

Монахиня Никона (Осипенко) (к.ф.-м.н., руководитель паломнической службы Соловецкого монастыря, Соловки)

«И узы Промыслом Божиим были благоустроены»

О епископе Софронии (Старкове)

В слове при наречении во епископа 21 апреля 1922 г. архимандрит Софроний (Старков) сказал о своем жизненном пути: «Вся жизнь — дивное чудо Промысла Божия». Епископское служение стало для владыки Софрония крестным путем — чередой арестов и ссылок, однако во всех обстоятельствах он видел неоскудеваемую милость Божию, а участие и помощь добрых людей принимал как дар свыше. Спустя пять лет после хиротонии в письмах из Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОНа), Преосвященный Софроний написал: «и узы Промыслом Божиим были благоустроены»¹. В этих словах отразилось его внутреннее устройство, основанное на исполнении завещания апостола Павла: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о Вас воля Божия во Христе Иисусе» (1 Фес. 5.16–18). Умение при всех тяжелейших жизненных обстоятельствах еще глубже погружаться в молитву, еще сердечнее благодарить Господа и искренне радоваться о Господе привлекало сердца паствы к владыке Софронию во время его служения и в Забайкалье, и в Архангельске, и в Данилове.

Первый биографический очерк о трудах епископа Софрония в Забайкалье до 1923 г. составил Д. В. Саввин² по материалам Государственного архива Читинской области (ГА ЧО), среди которых сохранился послужной список владыки и описание его епископской хиротонии в Харбине. В настоящей публикации сведения из послужного списка дополнены материалами из Иркутских епархиальных ведомостей за 1889–1896 гг. и из Забайкальских епархиальных ведомостей за 1900–1919 гг. Поскольку во время своего священнического служения будущий епископ Софроний входил в группу наиболее деятельных и ревностных пастырей Забайкальской епархии, а также был редактором епархиальных ведомостей в 1907–1908 и 1917–1919 гг., его статьи и сообщения о его служении, просветительских и строительных трудах представляют ценный материал для церковной истории Забайкальской епархии XX в. После ареста и высылки из Забайкалья епископ Софроний около двух месяцев возглавлял Архангельскую епархию, а затем в 1924–1927 гг. находился в заключении в Соловецком концлагере. Об этом периоде ничего кроме кратких упоминаний известно не было. В 2014 г. С. В. Суворова опубликовала письмо епископа Софрония из Соловецкого лагеря³, и выявила еще 8 писем, которые охватывают весь период ссылки. Выдержки из этих писем, представленные в настоящей публикации, объединены по темам, чтобы читатель мог составить целостное представление о служении владыки Софрония в Архангельской и Холмогорской епархии и взаимоотношениях его с паствой, о положении духовенства в Соловецком лагере, об отношении владыки к своей семье. Для удобства читателя выдержки из писем публикуются в контексте жизнеописания епископа Софрония, раскрывающего перед нами тайну приготовления его души к жизни вечной.

Будущий епископ Софроний родился в 22 сентября 1875 г. в с. Ильинка Троицкой волости Забайкальской области. В крещении он получил имя Сергей. Отца его звали Прокопий Старков, а имя матери нигде в документах не упоминается. Семья Старковых

¹Письмо от 8/21 августа 1926 г.

²Саввин Д. В. Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2(13/14). С. 173–202

³Суворова С. В. Помощницы заключенного духовенства Ольга и Екатерина Поваровы // Соловецкий сборник. Вып. 10. Архангельск, 2014. С. 158–160

была крестьянская бедная, так что родителям приходилось наниматься батраками к зажиточным односельчанам. По словам владыки: «в младенчестве сноп чужой жатвы, на которой должны были работать мои родители, бывал часто моей колыбелью в летнее время»⁴. Преосвященный Софроний с любовью и благодарностью вспоминал о своих родителях: «Прежде всего, Господь послал мне великое счастье в лице моей родительницы, хотя и малограмотной крестьянки, но очень умной женщины, первый живой пример крепкой веры в Бога, горячей молитвы, упорного труда, несокрушимой энергии и первую учительницу грамоты. От нее впервые в раннем детстве полюбил я молитву и научился молиться, от нее познал силу веры, ценность труда, четырехлетним ребенком научился читать, полюбил учение книжное. Она же своим почитанием священного сана открыла мне в девятилетнем возрасте путь сначала на клирос сельского храма, а затем в Троицкий Селенгинский монастырь. Отцу внушил Господь препобедить предрассудки своей среды и предоставить мне идти по влечению сердца. Истовое совершение богослужения сельским священником в родном приходе привлекло меня к участию в церковной службе и трудах сельского причта»⁵. В 9 лет Сергей поступил в церковную школу, устроенную при Троицком Селенгинском монастыре архимандритом Иринархом⁶. Жил он в самой обители, где относились к нему ласково и поручали ему читать по Минеям жития святых во время трапезы. «Трепетало от радости мое детское сердце, когда девятилетним мальчиком в трапезной монастыря произносил: “Житие иже во св[ятых] отца нашего (имярек) благослови, отче честный, прочести”, — и читал по Четвым Минеям Жития угодников Божиих»⁷.

Архимандрит Иринарх представил способного и боголюбивого ученика викарию Иркутской епархии Мелетию⁸, епископу Селенгинскому, который благословил Сергия на бесплатное обучение в Нерчинском духовном училище. Владыка впоследствии вспоминал, что именно от смотрителя училища — протоиерея Нерчинского собора отца Павла Затопляева — он воспринял сердечное желание потрудиться на ниве церковной, ревность и умение организовать дело церковного воспитания и просвещения. «Училище находилось в то время в периоде полного духовного роста при материальной скудости. Приснопамятный о. протоиерей Павел Родионович Затопляев⁹ стоял во главе его. Человек

---

⁴ Речь архимандрита Софрония (Старкова), произнесенная в Благовещенской церкви подворья Пекинской миссии в Харбине 21 апреля 1922 г., при наречении во епископа Селенгинского. ГА ЧО. Ф. Р-422. Оп. 1, Д. 45. Л. 25–27 об. Цит. по *Саввин Д. В.* С. 194–199

⁵ Там же. С. 196

⁶ Училище для мальчиков при Селенгинском Троицком монастыре было открыто 28 ноября 1884 г. Учителями в нем были послушники монастыря Иван Иванов и Феодор Соболев. В 1885 г. в училище обучались 24 мальчика (см.: Иркутские епархиальные ведомости. 1885. № 6 (9 февраля)). С. 36. В 1885 г. в связи с образованием Троицкой волости в г. Троицке монастырем было предоставлено помещение вне стен обители для церковно-приходской школы. Учеников стало 36. Наставниками детей в духе благочестия и страха Божия стали настоятель монастыря архимандрит Иринарх и приходской священник Феодор Казанцев (см.: Иркутские епархиальные ведомости. 1886. № 6 (8 февраля). С. 26).

⁷ Речь архимандрита Софрония... С. 196

⁸ Епископ Мелетий (Якимов, 29.10.1835–14.01.1900). В 1878–1889 в сане епископа Селенгинского управлял Забайкальской духовной миссией.

⁹ В 1889 г. отмечался 25-летний юбилей назначения о. Павла Затопляева на должность смотрителя Нерчинского училища. В поздравлениях отмечается, что, заботясь о духовном и материальном благоустройении училища, о. Павел более всего влиял на наставников и учеников благородством своей души и истинно христианским человеколюбием, так что все подначальные ему относились к нему как к любящему и любимому отцу и исполняли свои обязанности не за страх, а за совесть. Наставники и воспитанники училища составляли единую христианскую семью, в которой царили мир и любовь. В ответном слове о. протоиерей сказал: «не искал я сей чести и не ожидал оной. Наученный с самого детства смирению и скромности, я всегда жил только мыслью о моем недостойности пред Богом и людьми и старался всегда подавлять присущие человеку честолюбивые желания... Но так как жизнью нашею и всеми добрыми делами управляет Господь, то и в настоящем... вашем чествовании я христиански усматриваю то же соизволение Божие, и принимаю его не как дань, принадлежащую мне по достоинству, но как милость

с высоким пастырским настроением, богатыми природными педагогическими дарованиями, с непоколебимым авторитетом, при полном расцвете своих духовных сил, крепкий в то время физически, он вдохнул в училище свое дыхание жизни. Все сотрудники проникались его святым настроением. Служение Церкви Христовой даже в должности низшего сельского клирика становилось дорогим и желанным нашему сердцу»¹⁰. Как сам о. Павел сердцем воспринял от своих духовных воспитателей смирение, скромность и дух отеческой заботы о всех, подначальных ему, так и его ученики, в том числе и будущий о. Сергей, переняли от него этот дух. Отвечая на поздравления в честь 25-летнего юбилея назначения о. Павла на должность смотрителя Нерчинского училища, юбиляр сказал: «Есть еще качество, за которое чествуют меня бывшие ученики наши, а именно отеческая заботливость об них. Не отвергаю в себе этого качества, но думаю, что оно составляет всю суть моей смотрительской обязанности; ибо, по долгу своему, я и должен быть таковым, т. е. детям, находящимся вне крова родительского, должен заменять отца. Эту обязанность святую я всегда помнил и научился оной в детстве от людей, руководивших моим воспитанием. Дух этот господствует и во всем строе нашем училищном, чему радуюсь, и молю Господа, чтобы дух отеческий никогда не оскудевал в нашем училище»¹¹.

Успешно окончив училище, Сергей, однако, не мог и думать о пастырском служении, ибо не имел средств для обучения в семинарии. С детства пределом его мечтаний было служение в храме на клиросе. Поэтому вместе со своим однокурсником Епифанием Кузнецовым, впоследствии священномучеником Ефремом, епископом Селенгинским¹², они написали прошения о назначении на должность псаломщика. Об этом узнал один из преподавателей и по телеграфу обратился к архиепископу Иркутскому Вениамину просьбой об обучении в Иркутской духовной семинарии двух неимущих выпускников училища. Добрый архипастырь дал свое благословение, однако на первом курсе оказалось много подобных бедняков, и правление семинарии было в большом затруднении. На первый год обучения двух воспитанников пожертвовали личные средства о. ректор архимандрит Никодим и о. архимандрит Иринарх. А затем талантливые ученики были определены на казенный кошт и безбедно продолжили учебу. Как свидетельствуют разрядные списки, Сергей Старков всегда был первым учеником, а Епифаний Кузнецов входил в десятку лучших¹³. На последнем курсе семинарии Сергей Старков принимал участие в религиозно-нравственных чтениях для народа при семинарии. Например, 25 февраля 1896 г. «читали: инспектор семинарии — суд над Господом нашим Иисусом Христом, преподаватель семинарии И. Подгорбунский — последняя ночь Иуды и воспитанник VI класса семинарии С. Старков — св. мученики Хрисанф и Дария»¹⁴. 17 марта 1896 г. в праздник Входа Господня во Иерусалим за Божественной Литургией в Тихвинской-Воскресенской церкви архиепископ Иркутский и Верхотурский Тихон (Троицкий-Донебин) посвятил в стихарь 9 воспитанников VI класса духовной семинарии и среди них Сергия Старкова¹⁵. «Со вступлением в должность ректора <семинарии> незабвенного архимандрита Евсевия¹⁶ стремление и готовность стать в ряды служителей алтаря Господня настолько окрепли, что не хотелось отсрочивать этого дела продолжением образования в духовной академии»¹⁷, — говорил впоследствии епископ Софроний. Сергей Старков и Епифаний Кузнецов окончили Иркутскую духовную

Божию, допущенную в назидание мне грешному и грядущему поколению и как выражение вашей любви ко мне» (см.: Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1889. № 25. С. 9–12; №26. С. 1–13).

¹⁰ Речь архимандрита Софрония... С. 196

¹¹ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1889. №26. С. 13

¹² Расстрелян 23 августа/5 сентября 1918 г. в Москве на Ходынском поле

¹³ Иркутские епархиальные ведомости. 1893. №25. С. 7; 1894. №27. С. 5; 1895. № 13. 143

¹⁴ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1896. №5. С. 149

¹⁵ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1896. 7–8. С. 205–206

¹⁶ Евсевий (Никольский), впоследствии митрополит Крутицкий (21.01.1860–31.01.1922)

¹⁷ Речь архимандрита Софрония... С. 196–197

семинарию в 1896 г. по первому разряду со званием студента семинарии¹⁸ и готовились к священническому служению. Оба друга в 1896 г. избрали себе спутниц жизни. 14 июля Сергей Прокопьевич Старков обвенчался с Александрой Николаевной, дочерью диакона. 1 августа 1896 г. он был рукоположен архиепископом Тихоном (Троицким-Донебиным) во диакона, а на следующий день 2 августа — во иерея¹⁹ и назначен к Брянской церкви Забайкальской епархии²⁰. «Бедный сельский маленький приход был первой очень дорогой школой жизни и пастырского душепопечения», — вспоминал впоследствии о. Сергей. Он возглавил Брянскую церковноприходскую школу, в которой сам преподавал Закон Божий, а также открыл школы грамоты в ближайших деревнях Пресковой и Таракановской и активно занимался катехизацией. Сам, очевидно, нуждаясь в средствах, о. Сергей всегда отзывчиво жертвовал на нужды духовного просвещения, например, на постройку храма при Забайкальском епархиальном женском училище — 6 руб.²¹ Мог ли он предполагать, что впоследствии он будет многие годы служить в этом храме в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы... За «особое содействие делу народного просвещения» священник Брянской Михаило-Архангельской церкви Сергей Старков был награжден набедренником 10 марта 1898 г.²²

«Затем по воле Божией <отец Сергей служил> в уездном и епархиальном городе <Верхнеудинске и Чите> при неизменном внимании, снисхождении и доверии Забайкальских архипастырей, церковных и общественных учреждений. Открылось широкое поле для применения сил во всех отраслях епархиальной службы и в разнообразных видах церковно-общественной деятельности до участия в деяниях Всероссийского церковного Собора включительно»²³.

При знакомстве с послужным списком вызывает изумление даже простое перечисление обязанностей молодого священника в 1898–1906 гг. В ноябре 1898 г. отец Сергей был переведен в Верхнеудинск в клир Спасской церкви с одновременным назначением исполняющим обязанности благочинного 7-го округа Забайкальской епархии, заведующим Верхнеудинским свечным складом²⁴ и (с 01.12.1898) временно исполняющим обязанности председателя Верхнеудинского отделения Забайкальского училищного совета. С 12 апреля 1899 г. он также заведовал Заудинской приходской школой. В том же году он был утвержден в должности директора Верхнеудинского отделения попечительного комитета о тюрьмах (до 1907) и законоучителя Верхнеудинской женской прогимназии. В 1898 г. «по благословию епархиальной власти» двадцатитрехлетний священник был направлен депутатом от «Духовного ведомства» в Верхнеудинскую городскую думу, в составе которой проработал почти 8 лет.

Уже в первые два года служения в Верхнеудинске определились основные направления деятельности отца Сергея, которыми он с неизменной добросовестностью и успехом занимался последующие 20 лет: проповеднические²⁵, педагогические и просветительские труды и сопряженные с ними задачи по строительству школ и духовных

¹⁸ Иркутские епархиальные ведомости. 1896. №12. С. 187

¹⁹ 1.08.1896 владыка Тихон совершал Божественную Литургию в Иркутском Казанском соборе и водоосвящение на берегу Ангары, а 2.08.1896 — в своей Крестовой церкви (см.: Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1896. № 16. С. 408)

²⁰ Забайкальская епархия с кафедрой в городе Чите образовалась 12.03.1894

²¹ Иркутские епархиальные ведомости. 1898. №5, часть офиц. С. 107

²² Там же. №7, часть офиц. С. 143

²³ Речь архимандрита Софрония... С. 197

²⁴ Забайкальские епархиальные ведомости. 1900. №5. С. 11

²⁵ Уже в 1900 г. ему вменяется в обязанность произнесение катехизических поучений (см. Забайкальские епархиальные ведомости. 1900. №2. С. 7; 1901. №2. С. 3). Впоследствии правящие архиереи всегда поручали ему говорить проповеди в дни торжественных богослужений (см. Забайкальские епархиальные ведомости. 19. №. С.).

училищ, обеспечению кадрами учебных заведений, обеспечению церковной утварью, облачениями и свечами храмов, изысканию необходимых для всего этого денежных средств. На всех поприщах отец Сергей миролюбиво, но настойчиво наводил порядок, действовал всегда обдуманно, с призыванием помощи Божией и с сердечным обращением к душам и сердцам лиц, от которых требовалось содействие его начинаниям. Ему доверяли, на него надеялись, поэтому он оказывался на самых ответственных должностях и исполнял самую необходимую на данный момент работу. Например, одно из первых свидетельств его хозяйственно-административной деятельности — выступление на съезде отцов благочинных Забайкальской епархии о необходимости устройства собственных складских помещений для Верхнеудинского отделения епархиального свечного склада. Он убедительно аргументировал необходимость собственных складских помещений, предложил экономный способ их сооружения и представил смету. В результате все согласилось, что устройство кладовой необходимо и выделили необходимые средства²⁶.

Отличительной чертой отца Сергея была искренняя благодарность ко всем, помогавшим делу церковного благоустройства. Например, опубликовав список имен лиц, сделавших пожертвование в Красноярскую Ильинскую церковь, он сопроводил его просьбой о молитве за них: «Красноярская Ильинская церковь тесна, темна и бедна. Всякая лепта в пользу ея, поэтому, особенно ценна. Принося глубокую благодарность всем названным жертвователям, смею покорнейше просить всех, кому дорого благоуукрашение храмов, помолиться пред престолом Всевышнего о здравии и благополучии их»²⁷.

В 1900 г. начали издаваться Забайкальские епархиальные ведомости, постоянным корреспондентом, а временами и редактором, которых был отец Сергей. В 1900 г. были опубликованы два материала, подписанные: «священ. С. Старков». Первый — «Поучение, произнесенное пред началом учения в Брянской церковно-приходской школе»²⁸, в которой в 1896–1898 гг. отец Сергей был заведующим. По-видимому, он продолжал поддерживать свое детище и после перевода в уездный город Верхнеудинск. Из поучения видно, что молодой священник, прежде всего, воспитывал в детях привычку всегда молитвенно благодарить Бога, в данном случае за возможность учиться, и призывать благословение Его на всякое дело, а особенно перед началом учения, так как «только горячая молитва к Богу открывает ум».

Второй материал социального характера — «О долге Сибирских священников пред церковью, Царем и отечеством в виду проведения Сибирской железной дороги»²⁹. Отец Сергей предполагал, что следствием проведения железной дороги в Сибирь будет, во-первых, приток большого количества деятельных людей, как благонамеренных так и неблагонамеренных, во-вторых, появление новых фабрик и заводов. В связи с этим он призывал священников «бескорыстным служением и безупречною жизнью»³⁰ зарабатывать авторитет и доверие среди своих пасомых, чтобы иметь возможность направлять их в доброделания и ограждать от еретических учений, социалистических и антимоноархических идей. Средствами для укрепления любви народной к Церкви-матушке и царю-батюшке, по мнению отца Сергея, должны быть «проповедь, школа и хорошая книга»³¹. Сама жизнь священника должна быть проповедью: «Жизнью нашей должны мы защищать нашу Церковь, которая вся есть жизнь, благоуханием душ наших должны возвестить ея истину. Пусть миссионер католичества западного бьет себя в грудь, размахивает руками и красноречием рыданий и слов исторгает скоро высыхающие слезы. Проповедник же православия восточного должен выступить так перед народом, чтобы

²⁶ Забайкальские епархиальные ведомости. 1900. №6. С. 4-5

²⁷ Забайкальские епархиальные ведомости. 1900. №18. С. 9

²⁸ Забайкальские епархиальные ведомости. 1900. №18. С. 15–17

²⁹ Забайкальские епархиальные ведомости. 1900. №20. С. 9–15 ; № 21. С. 7–10

³⁰ Там же. № 20. С. 12

³¹ Там же. № 21. С. 8

уже от одного его смиренного вида потухнувших очей и тихого, поражающего гласа, исходящего из души, в которой умерли все желания мира, все бы подвинулось еще прежде, нежели он объяснил бы самое дело и в один голос заговорило бы к нему: „не произноси слов, слышим и без них святыню правду твоей Церкви”³².

Священник считал, что развитие промышленности не должно быть в ущерб земледелию: «Мы, как близко стоящие к народу, должны позаботиться об этом; должны постараться удержать обрабатывающего землю от работы на фабриках... для работы на них всегда найдется пролетариат... необходимо теперь же постараться укрепить в народе любовь к земледелию. Достичь этого можно путем распространения сведений по сельскому хозяйству, благодаря которым земледельцы при затрате труда могли бы получать достаточное вознаграждение за него. Чтобы сообщить эти сведения пасомым, пастырям необходимо и самим позаботиться о приобретении их. Вместе с тем, чтобы прикрепить земледельца к полевому труду, следует заблаговременно выяснить народу пользу или, по крайней мере, безразличие этого труда для нравственной и физической жизни и вред жизни и работы фабричной»³³.

Отношение самого отца Сергия к пастырским обязанностям и скрытые от всех его сердечные переживания отчасти проявились в некрологе, написанном им по случаю кончины 26 февраля 1901 г. священника верхнеудинского Одигитриевского собора Петра Глебовича Малышева³⁴ — духовника 7 округа, и в соответствующем надгробном слове³⁵. В некрологе отмечается скромность почившего, который «трудился не для наград, а по любви к труду, по долгу»; подчеркивается, что самая трудоемкая и нужнейшая душепопечительная деятельность пастыря — поездки по деревням в дни местных праздников, совершение молебнов и крестных ходов, отеческие беседы с крестьянами, исповедь и причащение одиноких, престарелых, малых — все это не поддается никакой оценке и вознаграждению в здешней земной жизни. В надгробном слове отец Сергий сказал даже, что служение пастырей вообще и почившего в частности так многотрудно и многоскорбно, что и смерть представляется желанным упокоением. Действительно, по выражению одного из знаменитейших иерархов Русской Церкви митрополита Киевского Филарета: «Истинное пастырство всегда было и есть в своем смысле священномученичество». «И в самом деле, — продолжал отец Сергий, — от пастыря требуется руководство душ ко спасению, но постоянно наставлять словесных овец и встречаться при этом с всевозможными предрассудками, суевериями, упорным сомнением, растленными понятиями века и мира сего, лежащего во зле — тяжелый труд. Бороться с противоречиями, недоверием, холодностью ко всему религиозному — немалое страдание. К тому же пастырь совершает часто сей подвиг, забыв свой покой, слабость сил, а иногда совершенное переутомление. Иначе можете подвергнуться величайшей ответственности пред Богом за погибшие души... Он должен, далее, встречаться по долгу службы почти ежедневно с горем людским во всей его наготе — видеть тяжкие болезни, сиротство, вдовство, холод и голод многих из паствы своей. Разве это не мучение?!

А что перечувствует, переиспытает душа пастыря при испытании совести пасомых во время исповеди? С уверенностью можем сказать, что пастырь сокрушается о каждом грехе кающегося не менее его самого. Скорбь эта особенно бывает велика, когда кающиеся не обещают отстать от какого-либо тяжкого греха, особенно греха открытого. Как разрешить такого грешника?! Вообще закоснение отдельных ли лиц, целых ли семейств и обществ в каком-либо грехе, нехристианский образ жизни их особенно больны пастырю церкви. И страдание усугубляется нередко тем, что пастырь не знает, как действовать для устранения зла. Действовать ли кротким вразумлением и лаской или строгостью. Если быть строгим, то как бы не ожесточить исправляемого; если убеждать

³² Там же. № 20. С. 12

³³ Там же. № 21. С. 10

³⁴ Забайкальские епархиальные ведомости. 1901. №7. С. 8–15

³⁵ Забайкальские епархиальные ведомости. 1901. №9. С. 7–10

кроткими мерами, то как бы не явить поблажку ему. И вот часто остается одно: молиться пред престолом Всевышнего, чтобы сам Господь воздействовал, на ожесточившуюся душу грешника.

Скорби сии часто безмерно увеличиваются поношениями, нареканиями, обвинениями, резко и смело расточаемыми на служителей церкви в обществе устным словом и печатью. Тут уже больно особенно то, что оскорбляется не только достоинство человеческое или отдельная личность, но поносятся сан и звание. Часто под видом благочестия и личной ревности по нем хулят служителей веры, а чрез то унижают и самую веру»³⁶. Перечислив далее страдания своего, прежде могучего, собрата от болезни, отец Сергей заключил, что успокоение свое мы обретаем лишь в «надежде, что... исповедь, сокрушение о грехах, ... принятие св. Христовых Таин, ... молитва собратий, сродников и знаемых, духовных чад сильны соделать почившего после сей временной, исполненной скорбей жизни наследником другой вечной и блаженной жизни *идеже несть болезни, печали и вздыхания*».

В 1901 г. священник Сергей был переведен в клир верхнеудинского Одигитриевского собора (16 марта) и утвержден в должностях благочинного 7-го округа (27 июля) и председателя Верхнеудинского отделения училищного совета (8 декабря). В следующем году отец Сергей был назначен законоучителем Верхнеудинского городского училища³⁷, а также руководил строительством двух школ в Верхнеудинске: второклассной и двухклассной соборной. Для постройки последней он исходатайствовал у городского управления 5000 рублей. 23 июня 1902 г. «благочинный 7 округа священник Сергей Старков ... Его Преосвященством³⁸ награжден бархатной фиолетовой скуфьей³⁹. В 1904 г. строительство двухклассной школы при соборе было завершено, а священник Сергей был назначен уездным наблюдателем церковных школ Верхнеудинского уезда⁴⁰ с освобождением от исполнения обязанностей законоучителя. На должности наблюдателя священники часто менялись из-за ничтожности жалования и отсутствия этой должности в списке имеющих право на пенсию. При этом приходилось много времени проводить в разъездах: «Верхнеудинский уездный наблюдатель священник С. Старков, вступив в должность с начала 1904 г., успел совершить три поездки: первую с 11 февраля по 1 марта, вторую с 12 апреля по 4 мая и третью в июне для выяснения некоторых вопросов по церковно-школьному делу в волостях Кударинской и Посольской. Кроме того в июне же месяце о. наблюдатель съездил в с. Троицкое, чтобы подвинуть дело по окончанию постройки дома для квартиры старшему учителю»⁴¹. 6 мая 1906 г. указом Святейшего Синода за труды в должности уездного наблюдателя церковных школ по Верхнеудинскому уезду священник Сергей был награжден камилавкой и переведен в Читу — кафедральный город Забайкальской епархии.

Епископ Мефодий предполагал, что отец Сергей сможет поддержать и развивать дело церковного образования в епархиальном масштабе: 5 сентября 1906 г. он был назначен на должность законоучителя Читинской учительской семинарии, а 21 сентября — утвержден (по предварительному избранию на епархиальном съезде духовенства и мирян⁴²) председателем Читинского отделения Забайкальского епархиального училищного совета. На том же съезде отец Сергей был избран и утвержден членом и

³⁶ Там же. С. 8–9

³⁷ «Священник Верхнеудинского Одигитриевского собора Сергей Старков, в виду назначения его на должность законоучителя Верхнеудинского городского 3-х классного училища и женской прогимназии, резолюцией Его Преосвященства от 7 марта с. г. за № 947 освобожден от должности священника собора» (см. Забайкальские епархиальные ведомости. 1902. №7. С. 6–7).

³⁸ Епископ Забайкальский и Нерчинский Мефодий (Герасимов), который в 1922 г. в сане архиепископа возглавил епископскую хиротонию Софрония (Старкова).

³⁹ Забайкальские епархиальные ведомости. 1902. №15. С. 15.

⁴⁰ Забайкальские епархиальные ведомости. 1905. №17, часть неофиц. С. 214–217

⁴¹ Там же. С. 216

⁴² Забайкальские епархиальные ведомости. 1907. №1–4, часть офиц. С. 22

председателем комитета по управлению Забайкальским епархиальным складом утвари и свечей⁴³.

В 1907 г., будучи редактором газеты «Забайкальские епархиальные ведомости», иерей Сергей писал: «Мысль о хорошей народной газете, как могущественнейшем средстве для пробуждения народного самосознания, несколько лет и меня занимает. Но посмотришь кругом — пусто, одиноко, и здесь в центре интеллектуальной жизни Забайкалья также мертво!

Духовенство, разумеется, представляет из себя великую моральную и интеллектуальную силу. Но великий грех его пред народом — разобщенность, отсутствие единодушия, очень много мешает ему проявить свою силу и послужить народному счастью. О если бы завет Христа о единении, мире, о любви глубже проник в нашу жизнь!..»⁴⁴ Не находя возможности в течение года привлечь единомысленное духовенство к изданию газеты и встречая активное сопротивление некоторых собратьев, отец Сергей предпочел отказаться от редакторства и 13 июня 1908 г. был освобожден от этой работы из-за «многосложности» задач. Из шести кандидатов на должность редактора, к которым обратился епископ Мефодий, лишь последний принял предложение⁴⁵.

1 мая 1907 г. иерей Сергей Старков был назначен членом комиссии по выработке вопросов к обсуждению на епархиальном съезде 1907 г.⁴⁶ Он сумел правильно поставить дело проведения съездов, начиная с дешевого расселения и питания участников в зданиях пустующих летом епархиальных учебных заведений, и кончая подготовкой аргументированных справок по предлагающимся к обсуждению вопросам⁴⁷. В 1908 г. 5 сентября он был утвержден председателем постоянной комиссии Забайкальского епархиального съезда⁴⁸ и продолжал заниматься этим делом до 1916 г. Журналы с решениями общепархиальных съездов печатались в епархиальных ведомостях, и в них многократно упоминается священник Сергей Старков в качестве председателя совета Забайкальского женского епархиального училища⁴⁹, председателя комитета Забайкальского епархиального склада⁵⁰ и прочих его многотрудных должностей.

16 сентября 1907 г. по благословению преосвященнейшего Мефодия отец Сергей отслужил молебен на начало учебного года в частном коммерческом училище баронессы М. Г. Розен⁵¹, где занял должность законоучителя, а впоследствии и директором вплоть до 1917 г.

29 ноября 1907 г. владыка привлек отца Сергия на работу в Читинскую духовную консисторию, а 30 апреля 1908 г. назначил его также членом попечительства о бедных духовного звания «для удобного сношения» попечительства с консисторией. От этих должностей ему удалось отказаться по собственному желанию в 1909 г., так как все свои силы священник вкладывал в развитие церковных школ. В 1908 г. он был законоучителем в Читинской учительской семинарии и хлопотал об открытии 7 класса в Забайкальском женском епархиальном училище, предполагая впоследствии устроить при училище образцовую школу, в которой воспитанницы училища могли бы практически овладеть педагогическими навыками. На епархиальном съезде 1908 г. принципиально все были за открытие 7 класса, но из-за отсутствия в епархии средств, отложили это дело до съезда 1909 г.⁵² Преосвященнейший Мефодий даже предложил постоянной комиссии съезда

---

⁴³ Там же. С. 25

⁴⁴ Забайкальские епархиальные ведомости. 1907. №7, часть неофиц. С. 91

⁴⁵ Забайкальские епархиальные ведомости. 1908. №9, часть неофиц. С. 220

⁴⁶ Забайкальские епархиальные ведомости. 1907. №10, часть неофиц. С. 221

⁴⁷ Забайкальские епархиальные ведомости. 1910. № 19-20, часть неофиц. С. 523

⁴⁸ Забайкальские епархиальные ведомости. 1908. №19-20, часть офиц. С. 155

⁴⁹ Там же. С. 111-114, 116, 148-149, 151

⁵⁰ Там же. С. 172-175

⁵¹ Забайкальские епархиальные ведомости. 1907. №18-19, часть неофиц. С. 422

⁵² Забайкальские епархиальные ведомости. 1908. №19-20, часть офиц. С. 114

созывать съезды не ежегодно, а раз в три года, а освободившиеся средства пустить на содержание 7 класса⁵³.

6 июня 1909 г. священник Сергей Старков обратился к епархиальному съезду с «весьма прочувствованной правдиво-сердечной и не менее того документальной»⁵⁴ речью в которой призывал через съезд весь епархиальный мир прийти на помощь Совету училища в открытии 7 класса. «После целого ряда возражений в спорящей среде снова поднимается о. докладчик. “Тяжело мне, — так дрожащим, сдавленным от волнения голосом начал он, — весьма прискорбно мне слышать от вас, о. о. депутаты и г. г. миряне, почти общее, холодное, скажу более — почти отрицательное отношение к обсуждаемому здесь вопросу. Обидно мне, вашему представителю и защитнику ваших же общепархиальных нужд и интересов епархиального училища, — слышать такие жестокие суждения!!!” Минута сдавленного молчания. В зале гробовая тишина. О. С. Старков снова продолжает свое наболевшее слово. “Мне, свящ. Сергию Старкову, ничего не надо, да я как свящ. Старков, ничего и никого в нем не имею, но пожалейте хотя нынешний состав окончивших уже учениц!” Еще две-три мысли в пояснение необходимости открытия именно ныне 7 класса и он, разбитый, потрясенный разыгравшейся здесь трагедией из-за 7 класса, тяжело опускается на стул. Трудно передать на страницах то чувство, какое овладело тогда всей аудиторией. Казалось, что все позабыто, принесено уже в жертву на алтарь малого храма науки... Депутаты с минуту сидят, понуриив головы»⁵⁵. Повторилась ситуация прошлого года: все «за», но средств нет. Депутаты приняли решение: предоставить Совету епархиального женского училища открытие 7 класса с 1909–10 учебного года на частные средства, то есть, решили все же пойти «навстречу достоуважаемому о. С. Старкову хотя бы жертвою посильной, но добровольной лепты». В перерыве были «слышны суждения о выражении о. Старкову горячих чувств благодарности от съезда за его безвозмездный, продуктивный труд по разным епархиальным учреждениям и, особенно, по организации настоящего дела епархиального училища. Все говорят, что епархиальное женское училище многим всецело обязано о. Сергию. Да, о. о. депутаты, совершенно верно это! В своей 14-ти летней истории епархиальное училище немало видело председателей, но столь энергичного, любовно преданного училищу лица не видели, да и едва ли когда-либо найдет равное настоящему председателю достоуважаемому о. Старкову. Епархиальное женское училище обязано о. Серию расширением своего тесного училищного здания пристройкой к нему нового каменного двухэтажного здания с подвальным этажом. Только благодаря его энергии, были изысканы необходимые на постройку средства, несмотря на переживаемое епархией в настоящее время тяжелое финансовое положение.

В настоящее время о. Старков деятельно занялся осуществлением своей заветной мечты — построить для епархиального училища новую каменную образцовую школу взамен старой школы, мало соответствующей своему назначению. Достаточно, думаю, только это указать, чтобы судить о бескорыстной, плодотворной деятельности о. Серия по отношению к епархиальному женскому училищу»⁵⁶. На следующий день «7 июня по случаю годового акта, в епархиальном училище был званый обед, где с Его Преосвященством присутствовали почти без малого все и депутаты съезда. Пожаловал сюда и попечитель епархиального женского училища нотариус г. Читы Иннокентий Иванович Соболев. Узнав о плачевном положении духовенства в деле открытия ныне при епархиальном училище 7 класса, он весьма великодушно»⁵⁷ предложил две тысячи рублей на это дело, а остальные полторы тысячи приняло на себя духовенство. Так с Божией помощью разрешилась, казалось бы, безвыходная ситуация.

⁵³ Забайкальские епархиальные ведомости. 1908. №4, часть офиц. С. 77–80

⁵⁴ Забайкальские епархиальные ведомости. 1909. №11, часть неофиц. С. 280

⁵⁵ Там же. С. 281

⁵⁶ Там же. С. 282

⁵⁷ Там же. С. 283

6 мая 1909 г. священник Сергей Старков был награжден от Синода наперсным крестом.

25 октября 1909 г. отец Сергей был избран председателем совета Забайкальского братства во имя святых Кирилла и Мефодия⁵⁸. В своем докладе, предшествовавшем открытию братства, он отметил историческое значение братств, как свободных христианских союзов, жизненным нервом которых служит идея горячего участия каждого в делах своей веры и Церкви, рассказал о деятельности братств в Юго-Западной Руси и, с 60-х годов XIX столетия, в Северо-Восточной Руси, изложил историю возникновения братства в Забайкальской епархии и новый устав братства, одобренный епархиальным съездом⁵⁹. В уставе подчеркивалось, что основным недочетом в жизни христиан современных являлась их разобщенность, взаимная отчужденность между духовенством и мирянами, отсутствие сознания общности их, как членов одного организма. Поэтому ставилась цель через Забайкальское Епархиальное Кирилло-Мефодиевское Братство «объединить все духовенство и мирян епархии в деле проведения в жизнь церковно-общественных идей. Чтобы всеми христианскими средствами создать такое общество, где члены могли бы быть согреты и нравственно и материально, могли бы устраивать Царствие Божие на земле и спасение душам их на небе. Братство ставит своей задачей: 1) проповедничество, 2) внебогослужебное религиозно-нравственное просвещение, 3) подъем и развитие церковно-приходской жизни чрез организацию: а) приходских кружков ревнителей (в виде приходских советов и попечительств) б) епархиальной и приходской взаимопомощи, как нравственной так и материальной (напр. потребительные общества и мелкий кредит), в) благотворительность»⁶⁰. В уставе братства было закреплено и личное отношение отца Сергея к политической деятельности: «чтобы человек-пастырь, человек-христианин не был убит человеком партии, братство, не чуждаясь здорового патриотизма, решительно чуждается политической партийности»⁶¹. Предполагалось, что в братстве будут участвовать «духовенство и миряне, богатые и бедные, знатные и простые, так как здесь желательно видеть, чтобы христиане „служили друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией" (Петр.)»⁶².

На протяжении последующих лет удалось силами братства организовать летние курсы для псаломщиков, открыть библиотеки и читальни, регулярно проводить религиозно-нравственные чтения, открыть дешевую столовую для бедных, устроить ясли для детей и приют для подкидышей.

22 августа 1912 г. священнику Старкову архиерейским распоряжением было поручено возглавить работы по строительству здания для Читинской Духовной семинарии, он стал председателем комитета по ее постройке. Указом от 19 октября 1912 г. отец Сергей Старков был возведен в сан протоиерея.

Когда началась Первая мировая война, отец Сергей стал председателем епархиального комитета по сбору пожертвований «на нужды войны» и одновременно — председателем местного отделения Комитета ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям призванных на войну. Продолжал он и свое главное дело — педагогические труды. В августе 1914 г. протоиерею Сергию Старкову была объявлена благодарность главного инспектора училищ Восточной Сибири, 6 мая 1915 г. он был награжден орденом св. Анны II степени.

После февральской революции 12 марта 1917 г. отец Сергей был назначен присутствующим членом духовной консистории. Затем он был избран представителем забайкальского духовенства на Поместном Соборе вместе со своим бывшим

⁵⁸ Забайкальские епархиальные ведомости. 1909. №22–24, часть неофиц. С. 564–581

⁵⁹ Там же. С. 566–573

⁶⁰ Там же. С. 570–571

⁶¹ Там же. С. 571

⁶² Там же. С. 572

однокурсником по семинарии Преосвященным Ефремом (Кузнецовым), епископом Селенгинским.

Вернувшись в Читу после участия во 1-й сессии Поместного Собора, протоиерей Сергей Старков написал статью о положении Церкви в России и в Забайкалье в начале 1918 г. под названием: «С новым годом!»⁶³ Статья начинается с констатации: «Минувший год был богат розовыми надеждами, но еще богаче самыми тяжкими разочарованиями. Кратковременное увлечение первыми успехами во внутреннем строительстве новой жизни, удачей одного наступления на внешнего врага, пробуждением и оживлением всех общественных сил благами свободы слова, печати, союзов... сменилось разгаром классовой борьбы, поражениями на фронте, небывалым в истории народов разложением армии, разгромом общественных сил, подавлением личности, проявлением демагогии в самом широком виде и проч. и проч. Светлая заря свободы, равенства и братства закрылась свинцовыми тучами междоусобной брани, ненависти, мести, угнетения»⁶⁴. Называя объективные причины происшедшего — темнота народная, почти поголовная политическая безграмотность, прошлые недочеты в государственной и церковной жизни, непосильное бремя войны, взаимное недоверие между капиталистом и рабочим, командным составом и солдатами, особенно голод в центре России, — отец Сергей подводил читателя к мысли, что не они сыграли решающую роль. «Корень горьких разочарований заключается в том, что не вложено христианского вдохновения, религиозного содержания в работу нового государственного строительства. Нельзя мира на земли и благоволения в человеках создать вне того мира, которой дан людям свыше. Нельзя правду человеческую найти без правды Божией. Не может солнце свободы, равенства и братства засиять на земле без Христа. Как гром небесный, предостерегающий от дальнейших бедствий, должны звучать слова Христа: “Без мене не можете творить ничего же”»⁶⁵. Отец Сергей напоминал читателю, что русский народ по призванию народ-богоносец, и полагал, что грех отступления от этого призвания ложится и на духовенство: «Мы, взявшие ключи разумения религиозных вопросов, сами не вошли и других не ввели в смысл совершившегося, Привыкнув рабски служить прежней власти, мы также рабски потащились за новой, забыв, что на нас лежит долг быть совестью в государственной работе. Оттого слабела совесть народная, и, в конце концов, без руля и без ветрил понеслось все по линии наименьшего сопротивления... Чтобы поправить ошибку, нужно нам пастырям и всему верующему народу вспомнить зов Христа: “вы свет миру, вы соль земли...” Необходимо вернуть людей к Богу. Нужно всему клиру и миру церковному сомкнуться в тесные стройные ряды и начать проповедь евангельской правды и любви словом и делом; нужно будить совесть народную, зажечь в уме стремление к истине учения Христова, направить силы к воплощению его в жизни. Необходимо опытом самой жизни доказать, что Евангельское учение имеет незаменимую ничем ценность и в условиях настоящего времени»⁶⁶.

Отец Сергей по сути призывал к исповедничеству и предвидел возможную реакцию государственной власти на оживление церковной жизни. Он писал: «Предположим самое худшее. Представим Церковь в положение гонимой. Если это соблазнит и удалит от Церкви одних, то других зажжет несомненно огнем религиозного воодушевления, сплотит в дружную общину и возбудит энергию. И это будет первое благо. В организме церковном немало вредящих жизнедеятельности его залежей. Пусть они отпадут. Зато оставшимся здоровым не будет помехи»⁶⁷. В 1917–18 гг. многожды в церковной прессе поднимался вопрос, откуда взять средства на школы, благотворительность, организацию общин, содержание священников, если государство от

⁶³ Забайкальские епархиальные ведомости. 1918. №1–3, часть неофиц. С. 22–28

⁶⁴ Там же. С. 22

⁶⁵ Там же. С.

⁶⁶ Там же. С.

⁶⁷ Там же. С.

этого устранилось и проч. «Но этот вопрос меньше всего должен нас останавливать в нашей работе на божьей ниве. Разве в первый раз Церковь Православная вообще и Русская в частности выходит на дело, не имея меди при поясе, с одним посохом веры. Разве духовную школу Церковь Русская создавала на щедрые дары государства, разве церковная школа, выросла на государственных ассигнования, разве благотворительность, монастыри, храмы созданы не верой народной. В прошлом мы знаем больше случаев, когда государство обирало церковь, обходило презрительно нужды духовенства, а если оказывало какую-нибудь помощь, то за это требовало рабской покорности себе. В будущем может быть еще больше таких искушений. Путь самодеятельности — лучший друг прочности каждого дела. Если действительно загорится огонь веры народной, пробудятся братские чувства, то будут и средства... Если само духовенство сплотится в дружную братскую семью, сплотит православный русский народ на религиозных бесспорных началах, если все христианское общество на началах соборности будет строить свою жизнь церковную, то найдутся силы не только обеспечить благо церковное, но и живить угасающий дух для государственного строительства. Итак, теснее, ближе друг к другу для Божьего дела, для дружной согласной работы по заветам Евангелия. Тогда, может быть, скоро рассеется и туман, застилающий в наступившем новом году дорогу к новому счастью»⁶⁸.

С 27 июня 1918 г. протоиерей Сергей Старков участвовал в управлении делами Забайкальской епархии в качестве председателя епархиального совета. Особенностью церковной жизни в Забайкальской епархии в 1917–1923 гг. была быстрая смена политических режимов: после кратковременного захвата власти большевиками (5 февраля – 26 августа 1918) Забайкалье оказалось под властью атамана Г. М. Семенова (1918–1920), а затем установилось демократическое государство — Дальневосточная республика (ДВР) (1920–1922), которая в 1922 г. присоединилась к Советской России. В 1918 г. отец Сергей прилагал все усилия, чтобы сохранить духовные и церковные школы. Однако, до 1919 г. удалось сохранить только епархиальное женское училище. С великими трудами построенное здание духовной семинарии новой было реквизировано для нужд военно-революционного штаба⁶⁹, из-за дороговизны жизни прекращены занятия в духовном училище и семинарии⁷⁰.

29 марта 1919 г. отца Сергея постиг «самый тяжелый удар Божьей грозой»⁷¹ — от воспаления мозга скончалась его горячо любимая супруга Александра Николаевна. Отпевание почившей совершали более 10 священников. «Семья безвременно лишилась преданно любящей истинной матери-христианки, дом — неподражаемой труженицы-хозяйки, а христианская община — одного из лучших своих членов... Судьбы Божии неисповедимы! Мир душе почившей!»⁷² — писал корреспондент епархиальной газеты.

Действительно, и в этом тяжелейшем для отца Сергея событии, явлен был чудный Промысел Божий: через три года 1 апреля 1922 г. вдовый протоиерей был пострижен в монашество в честь святителя Софрония Иркутского епископом Мелетием (Заборовским) за всеобщим бдением в храме Благовещения Божией Матери подворья Пекинской миссии в Харбине, на следующий день он был возведен в сан архимандрита и готовился к епископской хиротонии. Достоинно удивления, что он, имея на попечении четырех малолетних детей, согласился принять бремя епископского служения, зная, что его предшественник на Селенгинской кафедре и ближайший друг по семинарии епископ Ефрем (Кузнецов) был расстрелян 23 августа 1918 г. Со страшной жестокостью был казнен епископ священномученик Сильвестр, архиепископ Омский, отбыл в Харбин епископ Забайкальский и Нерчинский Мелетий (Заборовский), когда в 1920 г. Забайкалье

⁶⁸ Там же. С.

⁶⁹ Забайкальские епархиальные ведомости. 1918. №1–3, часть неофиц. С. 68

⁷⁰ Там же. С. 71

⁷¹ Речь архимандрита Софрония... С. 197

⁷² Забайкальские епархиальные ведомости. 1919. №5–8, часть офиц. С. 31–32

перешло под контроль советской власти — образовалась Дальневосточная республика. Сам отец Сергей побывал в заключении в советской тюрьме еще в 1918 г. за противодействие изъятию архива консистории и теперь прекрасно понимал, чем он рискует. Однако, по его собственным словам, несчастья заставляли его «еще крепче держаться за ризу Господню и в служении Божьему делу находить истинный смысл для своей жизни»⁷³.

В слове при наречении во епископа 21 апреля 1922 г. архимандрит Софроний сказал: «Чудесна милость Божия и в осуществлении этого избрания. Чтобы подкрепить мою немощь, Господь прежде возведения меня на Голгофу епископского служения явил для моей веры и любви в дни святой Четыредесятницы и Страстной седмицы совершенный Им путь самоотверженного подвига “даже до смерти” и в Пасхальную седмицу показал радость Светлого Воскресения и торжество Христовой правды и любви.

Благодарю Господа, так о мне благодееющего, и приемлю жребий епископского служения, нимало вопреки глаголя. Готовность подъять подвиг непосильный для моей немощи поддерживает во мне, кроме послушания воле Божией, обетование Иисуса Христа, что все продолжатели дела Его, а с ними и я недостойный, не одиноки. “Аз есмь с вами во вся дни до скончания века” (Мф. 28.20), — звучит донныне и вселяет уверенность, что дело святой Церкви несокрушимо не только попытками людей, но и силами самого ада (Мф. 16.18) “столпы ея никогда не исторгнутся и ни одна вервь ея не порвется” (Ис. 33.20). Влечет к тому любовь к Церкви Христовой, воспитавшей меня под своим кровом. Вдохновляет глубокое сознание ценности служения для спасения ближних и искреннее желание продолжать дело святого благовествования. Ободряет и твоя, святитель Забайкальской Церкви, отеческая попечительность, при которой и в епископском делании примешь ты меня в свою любовь, как не отринул в пастырском труде. Верю, что и забайкальская паства, подвигнувшая меня к приятию креста архиерейского служения, примет на себя подвиг Симона Киринейского и не оставит меня одиноким. Паче же всего даст мне дерзновение подъять подвиг служения в сане епископа вера во всемогущую помощь Божию, которая по молитвам Божией Матери и святых угодников ниспосылается. Пресвятая Богородице, “молю Ти ся, ороси мя благодатию, да зову Ти: Радуйся, Водоспасительная” (Кондак иконе Божией Матери “Живоносный Источник”). Святители Христовы Иннокентие и Софроние, личным подвигом изведавшие трудность возделывания той нивы, к сеянию на которой я призываюсь, молитвенным предстательством помогите мне. Усугубляет решимость мою упование на вседействующую “благодать Божию, немощная врачующую и оскудевающая восполняющую”»⁷⁴.

Хиротония состоялась 24 апреля 1922 г. в харбинском Свято-Николаевском соборе, в ней участвовали архиепископ Харбинский и Маньчжурский Мефодий (Герасимов), епископ Владивостокский Михаил (Богданов), епископ Камчатский Нестор (Анисимов), епископ Читинский и Нерчинский Мелетий (Заборовский).

1 марта 1924 г. указом Патриарха Тихона епископ Софроний был назначен в Архангельскую епархию. Ровно через два месяца, 1 мая, он был арестован и заключён в Архангельскую тюрьму, где находился до 14 сентября 1924 г.⁷⁵ С 26 сентября 1924 года до 16 октября 1927 года отбывал заключение в на Соловках.

⁷³ Речь архимандрита Софрония... С. 197

⁷⁴ Там же. С. 197–198

⁷⁵ «Репорт Святейшему Патриарху духовенства Архангельских церковных общин от 15 мая 1924 г.

В ночь на 1 мая местное ГПУ арестовало прибывшего в Архангельскую епархию епископа Софрония, который высылается в Москву — местная церковь вновь без руководства. Его полюбили, просят не оставить их заботой. Обновленческий епископ Арсений, прибывший почти одновременно с Софронием, уже действует; они захватили б. Михаило-Архангельский монастырь и, изгнав православный причт, служат там(247/52-53)». http://korolev.msk.ru/books/dc/Rpc22y_1913289.txt

О кратком периоде служения епископа Софрония в Архангельске и о пребывании в соловецкой ссылке свидетельствуют его письма 1924–1927 гг., написанные в соловецком лагере и адресованные двум архангелогородским христианкам матери и дочери Ольге и Екатерине Поваровым⁷⁶. Обе они были арестованы в 1926 г. за помощь ссыльным священнослужителям. Письма были у них изъяты и приобщены к делу в качестве доказательства их сочувствия и помощи ссыльным.

Из писем следует, что днем первого молитвенного общения за литургией епископа Софрония с «архангелоградцами» (так везде в письмах) был день памяти его святого покровителя святителя Софрония Иркутского 30 марта/12 апреля 1924 г.⁷⁷ Главным впечатлением от общения с архангелогородской паствой для владыки Софрония было ощущение единства во Христе, к которому он столько стремился в Забайкалье. В Архангельске духовенство и миряне взаимно поддерживали друг друга и ссыльных, стараясь сохранить в своей церковной общине дух христианской любви и милосердия и чистоту православной веры. Владыка писал с Соловков: «О мне не скорбите и не скучайте на то, что пребывание <мое> в Архангельск сопровождалось лишением свободы. Я благодарю Бога при всяком воспоминании о всех Вас. То духовное утешение, какое я имел в Архангельске при благоговейно молящемся народе, готовом едиными устами славить Господа, творить дело Христианского милосердия, несмотря на свою кратковременность, неизгладимо запечатлелось в моем сердце; и не может быть ослаблено никакими огорчениями об одном малом, что мало и слабо я мог послужить за все ваши хлопоты до моего прибытия, во время пребывания у Вас; и поставил Вас в необходимость иметь попечение о мне после отъезда»⁷⁸.

Искренняя забота архангелогородцев о своем пастыре утешала владыку Софрония в заключении: **«Дивные страницы истории церкви Христовой, повествующие о тесном общении пастырей с пасомыми, проходят во всей своей красоте перед нашими глазами. То, что украшало жизнь церкви Христовой на заре христианства, становится достоянием наших дней.** Если радостью билось сердце апостола Павла, когда он видел во время пребывания своего в темничном заключении заботы о нем филиппийцев (Филипп. IV, 10), то каково же должно быть радостное состояние духа, когда я вновь увидел Ваше участие к моему недостоинству. При первых известиях о нуждах моих, Вы и близкие Вам благодетели прилагают все усердие, чтобы снабдить меня всем необходимым... Семгу Анны Петровны скушали с владыкой Иларионом за здоровье ее с большим удовольствием и приятными воспоминаниями об отзывчивости и хлебосольстве архангелоградцев»⁷⁹.

Владыка Софроний в течение всех трех лет ссылки в каждом письме упоминал имена 10–15 архангелогородцев, с которыми он успел вместе помолиться в храме в Архангельске, призывая на них благословение Божие и помяная их, как свою паству: «во всяком случае, шлю мой привет с искренними пожеланиями всего наилучшего и молитвенным призыванием Божия благословения на Вас, Анну Васильевну, Екатерину Акиндиновну, Анастасию Павловну, Варвару Николаевну с Лидией, Екатерину Петровну, о. Димитрия и прочих батюшек, пребывающих в молитвенном общении со мной, Керкире, Хариессе, Лидии, Марии, Леониду, Пелагеи, Марии (Паршиной) и всех утешающих меня своею любовью и памятующих о мне. **Лучшей отрадой будет для меня слышать, а еще лучше в свое время видеть, как все Богом вверенные моему духовному попечению**

⁷⁶ Поварова Ольга Павловна, в 1926 г. 70 лет, дочь учителя мещанина г. Архангельска, вдова, работала портнихой. Поварова Екатерина Ивановна, в 1926 г. 43 года, дочь учителя городского училища, девица, беспартийная, образование среднее, работала в архангельской центральной типографии корректором. Мать и дочь проживали в Архангельске на Псковском проспекте (с 1921 г. проспект им. Чумбарова-Лучинского) д. 3 кв. 1.

⁷⁷ Письмо от 15.02.1925. Д. П-3021. Л. 485 об.

⁷⁸ Письмо от 14.12.1924. Д. П-3021. Л. 483 об. – 484

⁷⁹ Письмо от 14.12.1924. Д. П-3021. Л. 483–483 об.

верующие живут достойно своего Христианского звания, более всего преуспевая в осуществлении Завета Христова о любви к Богу и ближним с крепким хранением веры и благочестия под руководством канонов церковных и наставлений святых отец.

Помолитесь, чтобы и нам Господь послал здесь преуспевать в том же, дабы едиными устами единым сердцем славить всечестное и великолепое имя Божие и тем осуществить конечную цель назначения нашего»⁸⁰.

Инициаторами и примером в деле милосердия были архангельские священники — протоиереи Константин Орлов и Михаил Попов, священники Зосима Калашников, Евгений Охотин, Димитрий Федосихин и другие, которые делились последним со ссыльными. Епископ Софроний писал: «О. Константину и супруге его большое спасибо за сахарок и предпраздничный подарок, который я получил через о. Евгения Охотина. Трогательна его забота о ближних. Шлю привет и благословение всем батюшкам, в молитвенном общении со мною пребывающим, а также и Владимиру Ивановичу со всеми памятующими о мне архангелоградцами в надежде, что **все они, связуемые союзом любви в единении между собою, будут творить Божие дело с неослабевающим усердием во славу Божию и благо Святой Церкви**»⁸¹.

Владыка продолжал живо интересоваться церковной жизнью в Архангельске, где в 1926 г. активизировались обновленцы и захватили кафедральный собор: «Восхищаюсь заботами Екатерины Ивановны и других о возвращении кафедрального собора. Слышу, что он формально и не передан был ... обновленцам, а захвачен ими явочным порядком.

Если это так, будем надеяться на удовлетворение ходатайства... Во всяком случае, очень много данных у православных продолжать ходатайство о возвращении. Иначе и этот великолепный храм может постичь судьба храма бывшего Михаило-Архангельского монастыря. Думаю, что на основании опыта запустения других храмов, когда они находятся в руках Трубиных⁸² и К°, и Главмузей предпочтет видеть храм в распоряжении православных. Крепче молитесь Господу о даровании Вам этой милости. Неутомимые в трудах и заботах, не ослабевайте и в молитвенном подвиге, и Господь услышит»⁸³. В следующем письме он писал, что молится о том, чтобы Господь увенчал попытки православных вернуть собор успехом, дал Екатерине Ивановне Поваровой «силу и настойчивость Хананеянки, вымолить эту милость у Господа и получить удовлетворение просьбы... у имеющих на то власть»⁸⁴. Собор был возвращен православным и епископ Софроний, разделяя радость архангельских христиан, к которым вернулся из ссылки епископ Антоний (Быстров), писал: «Вниманием владыки Антония, приходского совета и причта с прихожанами очень тронут. Знаю прекрасно, что оно ничем не заслужено, но **единению духовного союза любви при всяких жизненных обстоятельствах чрезвычайно радуюсь. Благодарю Господа и за ниспослание всем Вам утешения возносить хвалу Господу в кафедральном соборе. За Соломбальцев приходится скорбеть**⁸⁵. Но думается, что мудрое направление церковной жизни рукою могучего кормчего владыки Антония в недалеком будущем объединит всю епархию и обратит заблудших. Благо, что и помочь в этом найдутся преданные церкви люди из духовенства и мирян»⁸⁶.

Владыка Софроний с великой благодарностью и заботой писал своим благодетелям: «Вы, пожалуйста, сами не беспокойтесь и других не беспокойте. Везде у

⁸⁰ Письмо от 15.02.1925. Д. П-3021. Л. 486–486 об.

⁸¹ Письмо от 16.02.1926. Д. П-3021. Л. 491 об.–492

⁸² Михаил Трубин — обновленческий епископ

⁸³ Письмо от 21.08.1926. Д. П-3021. Л. 497–498

⁸⁴ Письмо от 29.08.1926. Д. П-3021. Л. 499–499 об.

⁸⁵ Церковь в честь Мартина исповедника в Соломбале захватили обновленцы

⁸⁶ Письмо от 25.05.1926. Д. П-3021. Л. 494–494 об.

всех и своих хлопот теперь довольно; нужно всячески беречь людей»⁸⁷. Он считал своим долгом всегда и за все молитвенно благодарить Господа и помогающих ему людей: «Во свидетельство со своей стороны моего постоянного молитвенного общения и глубокой благодарной памяти о всех добродееющих нам, прилагаю при сем фотографические мои карточки Вам, Екатерине Акиндиновне и Анне Петровне. Готов бы всем другим, мне благодеющим, сделать тоже, но пока в своем распоряжении не имею карточек. Во всяком случае, прошу свидетельствовать всем, кто своим участием ко мне и служению моему так или иначе спешил облегчить мое крестоношение, что я непрестанно памятую о них в своих молитвах к Господу и за их любовь нахожу утешение в постоянном принесении им моей благодарности. **Лично же за все, в моей жизни происходящее, благодарю Господа и свидетельствую признательность людям**»⁸⁸.

Не менее важными, чем материальная помощь были известия о церковной жизни. Архиепископ Иларион писал: «Я был очень рад, когда получил от Вас столь обширное и интересное письмо. Приношу Вам за него и вообще за память вашу обо мне глубокую Вам благодарность. Господь да сохранит Вас от всякого зла! Да сохранит и церковь архангельскую от таких искушений, какие она не в силах будет перенести»⁸⁹.

Вестей из Москвы ждали с нетерпением. Владыка Софроний писал: «Жаль, что не удалось Вам получить Московского печенья⁹⁰. Может быть, теперь имеет. Избалованные Ваши друзья при каждой встрече спрашивают о нем. Я, зная Вашу неутомимость, поддерживаю надежду на возможность получения его. Если удастся Вам, то не откажите поделиться с нами, чтобы успокоить сладкоежек»⁹¹. В следующем письме он писал прямо: «Томимся только от скудости сведений, которые доходят к нам относительно течения церковной жизни. Ждем каких-то новых событий, но какого характера будут они, в предположениях теряемся. Если сможете, помогите нам в этом отношении»⁹².

Владыка молитвенно поминал и благодарил всех, кто приютил его в Архангельске, угощал пирогами и пшенниками, чинил ему рясы, помнил и детей, прислуживавших в алтаре — посошника и книгодержца, — и всех, «так или иначе проявившим свое участие... и свидетельствовавших добрыми делами христианскую любовь». От них он ожидал и молитвенной помощи: «Всех прошу и меня поддержать молитвами пред Господом Богом. **Во взаимном молитвенном общении для всех нас крепкая нравственная опора.** Всех я помню с самой лучшей стороны и не раз о том уже свидетельствовал и здесь пред братией и пред присными моими в Забайкалье, пролагая тем путь к доброму общению христианскому между христианскими общинами, как было это на заре христианства между церковью Иерусалимской и общинами, устроенными Святым апостолом Павлом. Мои забайкальские пасомые и особенно дети, осведомившись о том, что благодаря участию архангелогородцев я ни в чем не имел нужды, просят вас всех благодарить, что с удовольствием и утешением душевным и исполняю»⁹³.

Забота о детях, конечно, причиняла немалую скорбь владыке Софронию, однако, как и во всем, он полагался на Промысл Божий и заступление Пресвятой Богородицы. В первом своем письме с Соловков он писал: «Если есть у меня некоторое беспокойство, так только о детях. Восемь месяцев я не имею от них никакой весточки. Теперь получил. Пишут о своей скорби при известии о предстоящей долгой разлуке со мной. Особенно ни на что не жалуются. Один батюшка сообщает, что они получали помощь от верующих, но не вполне достаточную, — поэтому продали счетчик и мой письменный стол. Но и этим огорчаться особенно не годится. Маленькие испытания и лишения чем-то приближают к

⁸⁷ Письмо от 15.02.1925. Д. П-3021. Л. 485

⁸⁸ Письмо от 9.06.1925. Д. П-3021. Л. 495 об.

⁸⁹ Архиепископ Иларион (Троицкий) Л. 478

⁹⁰ Повидимому, «московское печенье» обозначает новости из Москвы.

⁹¹ Письмо от 21.08.1926. Д. П-3021. Л. 497

⁹² Письмо от 29.08.1926. Д. П-3021. Л. 500

⁹³ Письмо от 9.09.1925. Д. П-3021. Л. 487 об.—488

Богу, а с ним все будет хорошо. Уповаю, что Божия Матерь — сиротствующих питательница и безматерных детей воспитательница — не оставит своим молитвенным предстательством, через добрых людей сохранит <детей> на пути добра и не оставит <их> беспомощными. Я же, ободряемый помощью Вашей, и других благодетелей из Архангельска, встретив здесь поддержку братии, пишу читающим, чтобы они обо мне не беспокоились, на меня не расходовались, а если будут иметь готовность чем-либо помогать мне, пусть лучше помогут детям»⁹⁴. В феврале 1925 г. владыка получил от детей сообщение, что на месте они получают пищу от добрых людей и самое необходимое имеют. Поэтому, владыка уведомлял свою архангельскую паству, что о детях можно не беспокоиться.

В том же феврале владыка получил печальное известие о смерти дочери, которая провожала его в Москву, потом вступила в брак и умерла от преждевременных родов. Делясь своей скорбью с Ольгой Павловной Поваровой, владыка писал: «Нередко и теперь скорбные чувства омрачают душу, но слова молитвы Господней: “Да будет воля Твоя”, — обязывают все предать на волю Божию, без Святой воли Небесного Отца ничего в нашей жизни не совершается. По Его Святой воле постигло меня это испытание. Я пережил всех: ранее утратил родителей, двух сыновей, жену, и Господь не оставил меня безутешным. Молюсь, чтобы и теперь Он подкрепил меня. Прошу и Вас со всеми моими доброжелателями утешить меня молитвой об облегчении моей скорби и упокоении преставившейся Елены. Теперь остаются у меня Лиза 18 лет, Александр 14 лет, Евстолия 13 лет. Как-то Господь их сохранит?!. Должны бедные узнать всю горечь жизни среди чужих людей. Подкрепляю, насколько возможно отсюда, верой в непрестанное попечение о нас Небесного Отца, Божией Матери и угодников Божиих, <и> отзывчивость добрых людей. Насколько мне известно, по этой вере Господь благоустраивает их жизнь. Помолитесь и о них»⁹⁵. Владыка старался по возможности поддерживать общение с детьми письмами (из четырех положенных писем в месяц два-три писал детям⁹⁶) и упоминал, что дети своими письмами стараются ободрить его⁹⁷.

В мае 1926 г. владыка делился с Поваровыми новой скорбью: «Ко всему пережитому присоединилось новое беспокойство. Сын учился в 3 классе на 2 ступени и перед Пасхой прекратил посещение школы, а потом вышел из нея по домашним обстоятельствам. Пока еще не знаю, какие внутренние переживания натолкнули его на это. Но из сообщения его, полученного мной перед Пасхой, о том, что он хотел бы уехать в другой город к сестре замужней, заключаю, что ему хотелось порвать с неподходящими товарищами. К этому же склоняет меня и отзыв заведующего школы о нем, как о способном, но с плохими товарищами познакомившемся. Вот что значит жизнь детей без родителей. Как бы ты не был далек, душа глубоко скорбит за будущее. Известий, с нового места (Л. 494) жительства его не имею пока. Помолитесь, чтобы отрока Александра, подкрепил Господь на добром пути и успокоил мое сердце. После этого излишне Вам говорить, как близко к сердцу принимается <мною> скорбь Варвары Андриановны и Александры Ивановны об их детях. Помози им, Господи! Вразуми их Бог»⁹⁸.

Владыка Софроний всячески старался поддерживать среди всех, кто считал себя православными христианами, мысль, что Церковь — есть союз любви. Он писал Ольге Павловне Поваровой: «Ваше золотое сердце, всегда разумно деловитое отношение к окружающему очень дорого для всех нас. Видите, как вовремя проявленное участие к о. Феодору породило его с Вами. Передайте от меня ему привет, поздравление и благословение на продолжение служения Церкви Христовой по Завету Св. Ап. Павла

⁹⁴ Письмо от 14.12.1924. Д. П-3021. Л. 484

⁹⁵ Письмо от 9.06.1925. Д. П-3021. Л. 496–496 об.

⁹⁶ Письмо от 7.12.1925. Д. П-3021. Л. 490

⁹⁷ Письмо от 7.12.1925. Д. П-3021. Л. 490 об.

⁹⁸ Письмо от 25.05.1926. Д. П-3021. Л. 493 об.–494

(1.Кор.15, 58). Прошу его не забывать в молитвах моего недостойства»⁹⁹. О милости и любви, которую оказывали Поваровы ссыльным владыка писал: «Радуюсь за братию, которая находит у Вас утешения, и за Вас, утешающихся с ними в молитве»¹⁰⁰.

Первую весточку о прибытии епископа Софрония на Соловки Поваровы получили от архиепископа Илариона (Троицкого): «Близко со мной живет Вл. Софроний, Вам известный. Он желает, чтобы это было известно в Архангельске»¹⁰¹. В своем первом письме из лагеря владыка Софроний писал: «О себе скажу коротенько. Я был уверен, что пребывание мое в заключении будет непродолжительно и кончится Московским сидением. Потому решение о высылке и самая высылка сюда были совершенно неожиданны. Путь совершили через Кемь в течение недели, считая остановку в Кеми. Здесь, при любви собратий скоро устроились хорошо. Работаем в монастыре. Все здоровы. Я, пожалуй, послабее всех и считаюсь подлежащим освобождению от физических работ. Поэтому уже неделю отдыхаю. Помощь, полученная из Архангельска подкрепила наш общий фонд.

Питаемся мы хорошо, имеем возможность готовить себе, что полагается. Изредка бываем в храме, чем очень утешаемся, и келейно молиться совершенно свободны. Как видите, все прекрасно. А сознание, что Господь указал место пребывания в Соловках, освященных подвигами преподобных и св. Филиппа, в пределах Архангельской епархии вливает особенную бодрость в сердце и дает уверенность, что Господь по молитвам преподобных и св. Филиппа укрепит нас узами духовного родства для участия в созидании всего для славы Божией и ко благу ближних»¹⁰².

Благодаря письмам епископа Софрония, становятся известны некоторые подробности жизни духовенства, заключенного в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). Следует сделать поправку на то, что владыка очень благодушно относился даже к тому, что до него не дошли посланные из Архангельска вещи. «О мне не скорбите, что не получил, может быть, и необходимых вещей. Думаю, — кто задержал их, тому они еще нужнее. Мою же жизнь Господь благоустраивает во всем. По состоянию здоровья врачебной комиссией я отнесен к 2-й категории и потому освобожден от всех физических работ. Чтобы быть чем-нибудь полезным, я поступил в сетевязальную мастерскую под начальство В. П. (Догли... нрзб.) из Архангельска. Сетевязание физических сил не требует, поэтому особенно не изнуряет. Житие с братией в общежитии – 16 человек, (Л. 485 об.) при своевременно оказанной помощи верующими, в числе которых Вы и другие архангелоградцы мне очень много послужили, дает возможность нам питаться удовлетворительно. Молитвенное общение 12 архиереев и 60 человек прочих священнических степеней дает духовное утешение немалое. Поэтому минувшие праздники с совершением богослужений мы провели с большим духовным подъемом и в соучастии через молитвенное общение с радостями Вашими. Так, Господь благословляет наше пребывание здесь»¹⁰³.

Летом 1925 г. епископ Софроний трудился сторожем при рыболовной тони. «Труд самый старческий, обязывающий послужить другим и это очень хорошо. Вл. Иларион специализируется в рыболовном деле и рыбачит усердно. Большим утешением для нас служит возможность посещать храм Божий и совершать богослужения. Благодаря этому Страстная, Пасха и прочие великие праздники проходят с полным христианским утешением»¹⁰⁴.

В сентябре того же года он оставался на Сельдяной тони сторожем и писал: «Живу в общежитии рыбаков. Работой не обременен, но заботой бываю нагружен, так как

⁹⁹ Письмо от 16.02.1926. Д. П-3021. Л. 491 об.

¹⁰⁰ Письмо от 15.02.1925. Д. П-3021. Л. 485

¹⁰¹ Письмо от 12.11.1924. Д. П-3021. Л. 480 об.

¹⁰² Письмо от 14.12.1924. Д. П-3021. Л. 484 об.

¹⁰³ Письмо от 15.02.1925. Д. П-3021. Л. 485–485 об.

¹⁰⁴ Письмо от 9.06.1925. Д. П-3021. Л. 496 об.

должен охранять одежду рыбаков во время ее просушки. Теперь с наступлением ненастных дней просушка затрудняется. Дни похожи один на другой как пара глаз. Имеется только немалое утешение разрешениями бывать в храме и совершать богослужения. Доносятся очень отрывочные случайные сообщения о некоторых шагах к церковному собранию, созываемому обновленцами (См. изв. ЦИК), но большого значения придавать не приходится и этому. Скучаем и по архиепископе Иларионе, с июля месяца ничего о нем и от него не имеем. Человек он, как Вы, сами знаете, трудно заменимый во всех отношениях. Поэтому чувствуется отъезд его очень осязательно, хотя после него прибыло еще три архипастыря. Все мы почему-то лишь на сторожевых должностях.

Вобщем, за все благодарим Бога и довольны людьми. Хотелось бы быть чем-нибудь более полезным им, да, очевидно, ни к чему не годимся на свободе, а здесь нам старичкам, сторожить самое подходящее занятие. Не научимся ли быть более бдительными к себе и другим? В последнее время очень много ожиданий связывают с приездом комиссии. Насколько основательно, разобраться в противоречивых слухах невозможно, а официально ничего не известно. В следующем письме, наверно, смогу говорить более определенно, где и как будем зимовать. Прошу всех писать почаще. Все может быть из многих немного и дойдет до меня. Еще раз всех приветствую и на всех памятующих о мне и пребывающих в молитвенном отношении со мной призываю Божие благословение. Вместо моего назидания прошу памятовать наставление ап. Павла (1 Коринф. 58). с посланием его же (1 Кор. 16, 23, 24)»¹⁰⁵.

В декабре 1925 г. владыка был переведен на Филимонову тону. Он писал об общей фотографии заключенного духовенства: «Хотелось бы мне послать Вам нашу группу на фотографии, но не знаю, когда это можно было бы сделать. Мы недавно все снимались. Там только, что друга нашего¹⁰⁶ не приходится видеть на ней.

Теперь я опять на работе в сетевязальной мастерской, только ныне находится мастерская на восьмой версте от Кремля в Филимоновском скиту. Уголок тихий, уютный среди леса и озер. В Кремль дорога прекрасная, защищенная от ветра. В 1³/₄ часа легко можно пройти. Почта доставляется исправно. Работа среди монахов — специалистов своего дела — спорится прекрасно. Из заключенных со мной епископ Игнатий (Садковский) из Белева и священник Польский. Посильный труд в теплом углу среди близкой по духу братии сам по себе уже является утешением. В других условиях при моей болезни почек и сердца, пожалуй, было бы мне неважно. Нервы и малокровие среди леса, в тишине, думаю, немножко легче будут беспокоить меня. Природа, может быть, заменит то, чего не удалось получить. Во всяком случае, как будто чувствую себя не хуже прежнего»¹⁰⁷.

Каждую субботу владыка ходил в кладбищенскую церковь прп. Онуфрия Великого на богослужения. Об этом он упоминал, передавая через Поваровых благодарность Анастасии Павловне: «всегда храню благодарную память о Вас и Ваших добрых делах, и тужуркой вторую зиму пользуюсь, как очень удобным по местным условиям одеянием. Находясь в Филимоновой на работе в сетевязальной мастерской, по субботам после работы еженедельно в ней совершаю путь до Кремля. Легко и тепло»¹⁰⁸.

Труды на Филимоновой тоне продолжались до весны, потом и до осени. «Жизнь моя идет прежней тропой, — с внешней стороны, благодаря участию и помощи добрых людей безо всяких лишений в посильном труде среди монашеской братии, а внутренний мир силен поддерживать только Господь, о чем и прошу всех Вас помолиться. Для меня же радость и утешение — ежедневная молитвенная память о всех Вас»¹⁰⁹.

¹⁰⁵ Письмо от 9.09.1925. Д. П-3021. Л. 488–488 об.

¹⁰⁶ Архиепископа Илариона

¹⁰⁷ Письмо от 7.12.1925. Д. П-3021. Л. 490–490 об.

¹⁰⁸ Письмо от 16.02.1926. Д. П-3021. Л. 492 об.

¹⁰⁹ Письмо от 25.05.1926. Д. П-3021. Л. 494 об.

21 августа 1926 г. в праздник преподобных Зосимы и Савватия владыка писал: «Наша жизнь здесь тоже строится на надежде на помощь Божию, и Господь, благодарение Ему, не оставляет. Вот я уже 9 месяцев живу на Филимоновой. Упражняюсь в сетевязании. Теперь среди монахов, работать с ними, не слышать ни одного худого слова, жить среди множества озер и леса, в местности хорошо защищенной от ветров, летом баловаться даже грибочками и ягодками, хотя все же те и другие в небольшом количестве, все это монаху не всегда удается теперь и на свободе, а нам Господь послал в заключение. Разве это не милость Божия. А видеть участие и помощь добрых людей, да это все, разве это не дар свыше. И так почти все духовенство... И узы Промыслом Божиим были благоустроены. В следующем месяце из здешних 3-х годовиков и двухгодовики 24 г. оканчивают срок. Число нас сократится вдвое. Жаль расставаться, но вместе с тем утешительно за них — опять выйдут на ниву Божию. Их пример ободряет и нас. Пробьет час и нашего освобождения через год. Помолитесь, чтобы Господь не оставил своей милостью и добрые люди своим участием»¹¹⁰.

Екатерина и Ольга Поваровы были арестованы в праздник Преображения 19 августа 1926 г., поэтому дальнейшая переписка оборвалась, а хранившиеся у них письма владыки Софрония были приобщены к делу.

Освободившись из Соловецкого лагеря в 1927 г., епископ Софроний недолгое время пребывал на поселении в г. Ростов Великий (Ярославская обл.), а затем перебрался в г. Данилов, где по благословению митрополита Агафангела исполнял послушание духовника для сестер Казанского женского монастыря на Горушке¹¹¹. Когда монастырь был закрыт в 1928 г., он продолжал совершать богослужения в храмах Ярославской области. 16 мая 1932 г. епископ Софроний был арестован и до 22 октября находился в заключении в Даниловской тюрьме.

28 октября 1932 г. митрополит Горьковский Сергей назначил его на Арзамасскую викарную кафедру Горьковской епархии. Владыка Софроний приехал в Арзамас и прямо с поезда направился в собор для встречи с клиром и верующими, однако почувствовал недомогание и не смог возглавить богослужение. В последующую ночь с 3 на 4 ноября он скончался от сердечного приступа. Похоронили его на арзамасском городском кладбище, которое в настоящее время разорено в связи со строительством шоссейной дороги.

---

¹¹⁰ Письмо от 21.08.1926. Д. П-3021. Л. 498–498 об.

¹¹¹ Елизавета (Гусакова), инокиня. Духовник обители // Ярославские епархиальные ведомости. 2007. № 196 (ноябрь). С. 29